

ВЕЙДЛЕ Владимир Васильевич (1895-1979)

Разбирая историю первой, а отчасти и второй волны русской эмиграции, Г.Струве ("Русская литература в изгнании", Нью-Йорк, 1956. С.372) пишет: "Вейдле как художественный критик и как историк искусства — самое ценное приобретение зарубежной критики после 1925 г.". Его многочисленные публикации неизменно вызывали самые доброжелательные отклики, отдающие должное его таланту и часто содержащие вполне единодушные оценки его личности и его творчества. Архимандрит Киприан (НЖ. 1952. № 30) в рецензии на книгу очерков В. "Вечерний день" (Нью-Йорк, 1952) оценивает его как "не только историка искусства, но и мыслителя об искусстве", которого главным образом занимает "вопрос кризисов или кризиса — анализ его же словами — "умирания" искусства", то есть не просто "смена школ и стилей, не одни биографии художников, но главным образом их судьбы", что есть "признак не только мужества, но и зрелости духа". При этом он отмечает, что "во всех книгах проф. Вейдле особенно заметна способность обобщения. Его синтезы продуманы, убедительны, анализ его доброкачественен и глубок" (с.292). Рецензент называет его "философом искусства", смотрящим на русскую культуру как на "неотъемлемое звено всей европейской культуры", а также "не только ученым, но и выдающимся писателем", чьи "труды... по истории искусства завоевали ему прочное место в зарубежной печати". Кроме того, "он едва ли не единственный из русских писателей, кто полноправно вошел во французскую среду" (с.290). Саму книгу "Вечерний день" рецензент оценивает как "тонкий анализ литературного и художественного критика с глубоким пониманием истории и с искренним чувством, точнее ощущением Европы" (с.290). Б.Литвинов (Грани. 1953. № 17. С.148) в рецензии на ту же книгу, отмечая принадлежность автора к "культуре всечеловеческого значения", пишет, что "любовь В.Вейдле к Западу и его прошлому не исключает ни критического подхода, ни тончайшей эрудиции", в силу чего "даже в кругах западных знатоков В.Вейдле завоевал почетное место своими многочисленными трудами, посвященными той или иной области истории и культуры Запада". Б.Зайцев (РМ. 1966. 4 авг. с.3) отзываясь о его книге "Похвала Венеции" как о "потоке света". А.Небольсин (НЖ. 1967. № 88), оценивая книгу В. "Из бесед о городах Италии" (Париж. 1967), пишет,

что она “передает настроение”, а ее автор наследует Гоголю и Вяч.Иванову (с.271) и “не стыдится своих чувств и своего сердца” (с.272). Р.Гуль (НЖ. 1969. № 96) в рецензии на книгу “Безымянная страна” (Париж, 1968), оговариваясь по поводу автора, что “все русское он чувствует и любит” (с.275), считает, что главное в книге — “защита России от того мерзостного изуверства... которое захватило Россию в октябре 1917 года и более полувека держит в своем плену” (с.274). Некоторые споры вызвала после своего выхода программная книга В. “Les Abeilles d'Aristée” (Paris, 1936), вскоре появившаяся и на русском языке (“Умирание искусства”. Париж, 1937). Ю.Фельзен (Круг. 1936. № 2) пишет, что эта “книга насыщена опытом и знанием, продумана, выстрадана автором” (с.124), однако в ней, “достаточно правдивой и верной, несколько сгущены краски и односторонне указан метод спасения”. Рецензент считает, что автор не понимает того, что “теперь усложнилась жизнь” и “к этой нашей трагической взрослости должно приспособляться искусство” (с.128). Впрочем, он тут же оговаривается, что “автор “Гибели искусства” прав, утверждая, что люди искусства нередко свое дело предают, подчиняясь механизмуемой жизни и всей опустошенной и мертвой “дурной современности” (с.129). П.Бицилли (СЗ. 1937. № 64. С.471), отмечая, что в этой книге автор, опирающийся “на огромный материал”, рассмотренный им “всесторонне и с редкой проницательностью”, и демонстрирующий “ученость и исследовательскую добросовестность”, “здесь глубоко прав”: мы имеем дело с “кризисом сознания, что повлекло за собой то, в чем автор видит основную черту современного искусства” — “оно лишено общего стиля, который отражал бы жизненный стиль” (с.471). Ю.Иваск (НЖ. 1973. № 112) в рецензии на книгу “О поэтах и поэзии” (Париж, 1973) так оценивает Вейдле, прошедшего к тому времени почти весь свой жизненный путь: “У нас много литературоведов-славистов и советских, и западных, но почти нет литературных критиков и, вместе с тем, комментаторов и историков культуры на уровне В.В.Вейдле. Он стремится к тому, что теперь зачастую запрещается, к пониманию литературы и вообще искусства, и не боится иметь о нем свое собственное мнение. Он полностью владеет всеми методами формального анализа, а также ориентируется в истории, остро ощущает “музыку” времени”, как

критик являясь “предельно объективным” (с.308). Главную заслугу В. рецензент видит в понимании того, что “стихи делаются не только из слов, как уверял Малларме, а из Слова... Честь и слава Вейдле за эту простую “доктрину”, разоблачающую пустоту так называемого формализма или структурализма, хотя Вейдле отнюдь не отрицает ограничительно-ценного формального анализа, которым владеет лучше, чем прославленные “киты” (с.309). В статье, написанной на смерть В., прот. Александр Шлеман (“Памяти Владимира Васильевича Вейдле” // Вестник РСХД, 1979. № 129) пишет, что “самым главным в его образе и его творчестве... чему, в полном смысле этого слова, служил” Вейдле, это — “христианская культура” (с.175), определяя ее как “ту единую и единственную европейскую культуру, что родилась из встречи античного, греко-римского мира с христианским благовестием” (с.176). И “был он... неким поистине чудесным воплощением культуры. Он жил в ней, и она жила в нем с той царственной свободой и самоочевидностью, которой так мало осталось в наш век начетчиков, экспертов и специалистов” (с.175). Поэтому “процесс... умирания описан” им “как постепенный отрыв искусства (как и всей современной цивилизации) от своих религиозных истоков, от воздуха веры” (с.177). И при этом как очень существенное для понимания личности и творчества В. добавляется: “никогда он не переставал чувствовать себя русским изгнанником, никогда не прерывалась в нем кровная связь с Россией, верность ей, боль за нее” (с.178). Ю.Иваск в статье, написанной на смерть В. (“В.В.Вейдле” // НЖ. 1979. № 136) пишет, что сам он “считал себя, прежде всего, писателем, а не ученым, хотя и обладал огромной эрудицией, но и интуицией, которая редко встречается у академиков. Ему не нравилось, когда в печати его называли профессором или литературо- и искусствоведом. Крайняя специализация ему претила”, потому “был он мыслителем-художником” (с.214). Иваск отмечает, что “не знает ни одного отзыва о трудах Вейдле в кругах так называемой третьей эмиграции. Может быть там его даже не читают. Но в России у него немало ценителей и последователей” (с.217). И в заключение определяет: “Владимир Вейдле был знаток искусства, истории, культуры, мастер-эссеист, русский европеец, христианин в гуманизме, посол русской, но и европейской истинной России на Западе” (с.218).

